

ГЕНРИ РАЙДЕР ХАГГАРД

Айша Возвращение Айши Дочь Мудрости

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Х 13

В оформлении книги использованы иллюстрации
Мориса Грайффенхагена (Maurice Greiffenhagen; «Айша», «Возвращение Айши»),
Чарльза Керра (Charles Kerr; «Айша»)

Перевод с английского
Алева Ибрагимов (Айша), «Возвращение Айши»),
Александра Крышана (Дочь Мудрости)

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Владимира Гусакова

Иллюстрация на обложке Мориса Грайффенхагена

Составитель Александр Лютиков

Роман «Айша» ранее издавался под названием «Она».

Роман «Возвращение Айши» ранее издавался под названием «Азша».

Хаггард Г. Р.

Х 13 Айша ; Возвращение Айши ; Дочь Мудрости : романы / Генри Райдер Хаггард ; пер. с англ. А. Ибрагимов, А. Крышана. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 880 с. : ил. — (Мир приключений).
ISBN 978-5-389-11829-4

Генри Райдер Хаггард принадлежит к писателям так называемого апофеозного романтизма с его особой этикой, подразумевающей духовное и эмоциональное обновление человека. Возможно, именно этого так не хватает нашему прагматичному веку, и потому книгами Хаггарда, увидевшими свет на рубеже XIX–XX столетий, зачитываются миллионы наших современников во всем мире. Автору знаменитых приключенческих романов, таких как «Копи царя Соломона», «Аллан Квотермейн», «Дитя из слоновой кости», «Священный цветок», не чужда была и тема вечной женственности, бессмертной неуявляющей красоты, которой он посвятил мистическую трилогию об Айше — Той, чье слово закон, непредсказуемой, прекрасной, обреченной на вечное одиночество...

В свой двадцать пятый день рождения Лео Винси, согласно завещанию отца, должен открыть оставленный им загадочный ларец. В нем находятся древние свитки, черепок керамики и письмо, в котором говорится о многовековой тайне предков Винси. Разгадка кроется в дебрях Восточной Африки, куда и направляется Лео в компании профессора Хорейса Холли. Они попадают в плен к туземцам, которыми правит таинственная королева Айша. «Если верить молве, Она бессмертна и обладает властью над всем сущим»...

В том вошли романы «Айша», «Возвращение Айши», «Дочь Мудрости» (роман впервые выходит на русском). Книга иллюстрирована великолепными классическими рисунками Мориса Грайффенхагена и Чарльза Керра.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© А. Ибрагимов (наследник), перевод, 2018
© А. Крышан, перевод, 2018
© Издание на русском языке, состав, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-11829-4

Айша

История приключения

На земле, в небесах, в океанской бездне
Несчетно чудес, лишь очи отверзни.

*Двустилие с черепка вазы,
принадлежавшей Аменарте*

ВСТУПЛЕНИЕ

Выпуская в свет это повествование о самых, может быть, поразительных и таинственных приключениях (даже если смотреть на них просто как на приключения), когда-либо пережитых смертными, я считаю своим долгом объяснить, каким образом рукопись очутилась в моем распоряжении.

Несколько лет назад я, издатель, гостил у своего приятеля — «*vir doctissimus et amicus meus*»¹ — в университете — по некоторым соображениям назову его Кембриджским. Однажды на улице мое внимание привлекли двое джентльменов, которые рука об руку шли нам навстречу. Один из них был молодой человек, совершенно исключительной красоты — очень высокий и широкоплечий, с властным взглядом и естественной, как у дикого оленя, грацией движений. Черты его лица были почти безупречны, к тому же в них чувствовалось врожденное благородство, а когда он поднял шляпу, приветствуя проходящую леди, я увидел, что у него короткие кудрявые волосы ярко-золотого цвета.

— Господи! — воскликнул я, обращаясь к своему другу. — Этот малый похож на ожившую статую Аполлона. Какое великолепное сложение!

— Да, — ответил он, — у нас в университете его считают первым красавцем, даже прозвали Греческим Богом, притом он очень приятен в обращении. Но погляди на его спутника — это опекун Лео Винси (так зовут Греческого Бога), человек очень сведущий и эрудированный. Прозвище его — Харон.

Последовав его совету, я убедился, что второй джентльмен в своем роде ничуть не менее примечателен, чем тот превосходный экземпляр рода человеческого, который шел с ним рядом. Человек уже немолодой, около сорока, он был столь же безобразен, сколь первый красив. Приземистый, кривоногий, с огромной

¹ «Мужа ученейшего и моего друга» (лат.).

грудью и несоразмерно длинными ручищами. Глаза — маленькие, лоб весь зарос темными волосами, лицо почти скрыто густыми бакенбардами. Не будь у него такого доброго, искреннего взгляда, он, пожалуй, мог бы сойти за гориллу. Помнится, я сказал другу, что хотел бы с ним познакомиться.

— Нет ничего проще, — ответил тот. — Я знаком с Винси, могу тебя представить.

Несколько минут мы оживленно болтали — кажется, о зулу-сах, потому что незадолго перед тем я вернулся из Южной Африки. Вскоре, однако, появилась дородная дама — ее имя выскользнуло у меня из памяти — вместе с хорошенькой блондиночкой. Обе они принадлежали к кругу знакомых мистера Винси, и он тут же примкнул к их обществу. Забавно было наблюдать, как перекосилось лицо пожилого джентльмена — его звали Холли — при появлении женщин. Он резко оборвал разговор, укоризненно посмотрел на своего спутника, кивнул мне в знак прощания и ушел. Позднее мне довелось слышать, что он питает такой же непреодолимый страх перед женщинами, как большинство людей перед бешеными собаками, чем и объяснялась его поспешная ретирада. Не могу, правда, сказать, чтобы молодой Винси разделял подобное отвращение к женскому полу. Я со смехом заметил приятелю, что этот молодой человек не из тех, с кем следует знакомить свою невесту: слишком уж он привлекателен, тем более что в нем нет и следа чувства превосходства, тщеславия, свойственного обычно людям красивым, которое отталкивает от них окружающих.

В тот же вечер я уехал и долгое время не слышал ничего ни о Хароне, ни о Греческом Боге. И не только ничего не слышал, но и по сей день не видел их самих, да и вряд ли увижу. Но месяц назад я получил письмо и две бандероли, в одной из которых оказалась какая-то рукопись. Письмо, подписанное еще незнакомым мне тогда полным именем — Хорейс¹ Холли, гласило:

...колледж, Кембридж

1 мая 18... г.

Дорогой сэр,

Вы, видимо, будете удивлены, получив от меня письмо, ведь Вы, конечно, обо мне забыли. Разрешите напомнить Вам, что мы встречались пять лет назад в Кембридже. Вам представляли меня вмес-

¹ *Хорейс* — англоязычная форма имени Гораций. — *Примеч. ред.*

те с моим подопечным Лео Винси. Перехожу сразу к делу. Недавно я с большим интересом прочитал Вашу книгу, описывающую приключения, происходящие в Центральной Африке. В этой книге, насколько я могу судить, реальные события переплетаются с вымышленными. Как бы то ни было, ее чтение натолкнуло меня на одну мысль. Как Вы узнаете из прилагаемой рукописи (я отправляю ее вместе со скарабеем — «Царственным сыном Солнца» — и черепком древней вазы), мы вместе с моим подопечным, вернее, приемным сыном Лео Винси пережили недавно в Африке приключения столь удивительные по сравнению с Вашими, что я даже опасаясь, как бы Вы не усомнились в правдивости моего повествования. Как Вы заметите, мы с Лео не хотели при жизни предавать гласности историю наших приключений. И если бы не одно недавно возникшее обстоятельство, наше общее решение осталось бы неизменным. Побуждаемые причинами, которые Вы сможете угадать по прочтении рукописи, мы отправляемся в Центральную Азию; если и есть на земле место, где можно обрести высшую мудрость, то оно там. Мы предполагаем, что путешествие окажется очень длительным. Сомнительно, что мы вообще вернемся. При таких условиях мы снова вынуждены задаться вопросом: правильно ли поступаем, скрывая от мира феномен, представляющий поистине беспрецедентный интерес, только потому, что не хотим выставлять напоказ свою частную жизнь, а также и потому, что опасаемся встретить насмешки и недоверие? Тут наши с Лео взгляды разошлись, и после долгих споров мы пришли к компромиссному решению, а именно послать повествование Вам, предоставив полное право опубликовать его в случае, если Вы сочтете это целесообразным. Единственное условие, которое мы ставим, — скрыть наши подлинные имена и опустить все, что может на нас указать, конечно не во вред убедительности нашего повествования.

Что еще добавить к уже сказанному? Честно говоря, не знаю, могу только повторить, что все события описаны в рукописи с неукоснительной точностью. Не могу я раскрыть полнее и образ главной героини — Ее. С каждым днем мы все сильнее сожалеем, что не воспользовались обществом этой замечательной женщины, чтобы получить от нее поистине бесценные сведения. Кто она? Каким образом очутилась в пещерах Кора и какова ее истинная религия? Мы никогда не пытались выяснить это, и вряд ли нам предоставится другая такая возможность. Мой ум осаждают множество подобных вопросов, слишком, к сожалению, запоздалых.

Возьметесь ли Вы за опубликование рукописи? Мы предоставляем Вам полнейшую свободу; наградой Вам послужит уникальная возможность познакомить мир с удивительной историей, которая, как Вы убедитесь, не имеет ничего общего с приключенческими романами, основанными исключительно на вымысле. Прочитайте же рукопись (я перебелил ее для Вас) и сообщите мне о своем решении.

С искренней симпатией

Л. Хорейс Холли

P. S. Если это издание принесет какую-нибудь прибыль, Вы можете располагать ею по своему усмотрению; в случае же, если оно окажется убыточным, Вы можете обратиться к моим нотариусам, господам Джеффри и Джордану, которые возместят все понесенные Вами расходы. Оставляем также черепок вазы, скарабея и пергаменты, с тем чтобы Вы хранили их до нашего возвращения. — Л. Х. Х.

Это письмо, как легко можно себе представить, сильно меня удивило. В течение двух недель я был слишком занят, чтобы взяться за чтение рукописи. Когда же наконец я принялся за нее, изумлению моему не было пределов. Уверен, что и читатели испытают то же чувство, поэтому я решил поторопиться с опубликованием рукописи. Я тотчас же направил ответ мистеру Холли, но через неделю письмо было возвращено его нотариусами с припиской, что их клиент и мистер Лео Винси отбыли в Тибет и где они сейчас находятся — неизвестно.

Вот и все, что я хотел бы сказать. Само повествование я отдаю на суд читателей. Целиком, как оно есть, за исключением немногочисленных купюр, сделанных с единственной целью, чтобы широкая публика не могла опознать главных действующих лиц. Воздерживаюсь от каких бы то ни было комментариев. Сначала я склонялся к мысли, что все это повествование о женщине, облаченной величием бесчисленных прожитых лет и осененной темным, как ночь, крылом Вечности, не что иное, как развернутая аллегория с ускользающим от меня смыслом. Затем я пришел к выводу, что это — смелая попытка изобразить возможные плоды жизни столь долгой, что ее можно приравнять к бессмертию, жизни женщины, которая черпала свою силу в Земле и в чьей груди бурлили человеческие страсти, как в этом вечном мире бушуют морские волны

и ветры, если и затихающие, то лишь для того, чтобы обрести новую силу. Но, продолжая чтение, я отбросил и эту мысль. Я убежден, что повествование отмечено печатью полной достоверности. Поиски же объяснений я оставляю другим. Закончив это небольшое вступление, которого потребовали обстоятельства, я отсылаю читателей к истории Айши, царственной обительницы пещер Кора.

Р. С. Когда я перечитывал рукопись, мне пришло в голову одно важное соображение, на которое я не могу не обратить внимания читателей. В характере Лео Винси — думаю, тут со мной согласится большинство читателей — нет ничего, что могло бы привлечь женщину столь мудрую, как Айша. Лично я не вижу в нем ничего особенно интересного. Можно даже себе представить, что при обычных обстоятельствах мистер Холли скорее мог бы добиться ее благосклонности. Сказывалось ли здесь взаимное тяготение противоположностей, или, может быть, превосходство и великолепие ее рассудка, по какой-то своей извращенной логике, увлекали ее на путь поклонения материальному, плотскому? Этот древний Калликрат, в сущности, лишь великолепное животное, блистающее потомственной греческой красотой. Есть и еще одно, самое правдоподобное объяснение: Айша видела раньше, чем мы все; в душе своего возлюбленного она прозревала тлеющую искру, росток его грядущего величия. Она уповала, что с помощью дара вечной жизни, с помощью мудрости и солнечного света самого своего присутствия сможет взрастить цветок, который наполнит благоуханием весь мир, озарит его звездным сиянием.

И здесь тоже у меня нет готового ответа — пусть читатель ознакомится с событиями, описанными мистером Холли, и сам вынесет свое решение.

Глава I

НОЧНОЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Бывают в жизни события, каждым своим обстоятельством, каждой сопутствующей подробностью неизгладимо врезающиеся в память. Сцена, которую я собираюсь сейчас описать, может быть неплохой иллюстрацией к этой мысли. Она стоит у меня перед глазами с такой необычной ясностью, как будто произошла лишь накануне.

Двадцать лет назад, в этом же самом месяце, я, Людвиг Хорейс Холли, сидя у себя дома в Кембридже, корпел над математической задачей — не помню какой. Через неделю я должен был держать экзамен, с тем чтобы занять место в учебном совете, и мой руководитель, как и весь колледж, ждал от меня блистательных результатов. Наконец, в полном изнеможении, я отшвырнул книгу, взял трубку с каминной доски и принялся набивать ее табаком. Тут же на камине стояло длинное узкое зеркало, и при свете свечи я увидел в нем свое отражение — и задумался. Спичка, догорая, обожгла мне пальцы, я выронил ее, но продолжал смотреть в зеркало, все еще в глубокой задумчивости.

— Ну что ж, — произнес я наконец вслух, — я никогда ничего не добьюсь с помощью своей внешности, остается только надеяться на голову.

Может быть, кому-то это замечание покажется не совсем понятным, но я имел в виду вполне определенные недостатки своей наружности. Большинство двадцатидвухлетних мужчин привлекательны хотя бы молодостью, но судьба не послала мне и этого утешения. Представьте себе низкорослого, коренастого мужчину с непомерно широкой грудью, длинными жилистыми руками, глубоко посаженными серыми глазами, низким лбом в густых черных волосах — этот лоб напоминает полузаглохшую лесную делянку, — такова была моя внешность около четверти века назад, такова она, с небольшими изменениями, и поныне. Природа отметила меня каиновой печатью невероятного уродства и в то же

время наградила меня невероятной физической силой и незаурядным умом. Я так чудовищно некрасив, что франтоватые молодые люди из колледжа, хотя и гордятся моей силой и выносливостью, избегают появляться в моем обществе. Удивительно ли, что я рос мрачным мизантропом? Удивительно ли, что я предавался размышлениям и работал в одиночестве, что у меня был один-единственный друг? Сама Природа осудила меня на одиночество, я обретаю утешение лишь на ее — ни на чьей больше — груди. Женщины сторонятся меня. Всего неделю назад одна из них, думая, что я ее не слышу, назвала меня «чудовищем» и добавила, что я убедил ее в верности теории о происхождении человека от обезьяны. Однажды я встретил женщину, которая притворилась, будто любит меня, я излил на нее свой неизрасходованный запас чувств. И что же? Когда я не получил значительной суммы денег, на которую рассчитывал, она дала мне отставку. Я умолял ее не покидать меня, как никогда не умолял ни одно живое существо, ибо очень дорожил ею, но она подвела меня к зеркалу.

— Меня можно назвать красавицей, — сказала она. — А вот как назвать тебя?

Мне было тогда двадцать лет.

Итак, я стоял и смотрел в зеркало, испытывая мрачное удовлетворение от своего одиночества — ведь у меня не было ни отца, ни матери, ни брата, — когда кто-то постучал в дверь.

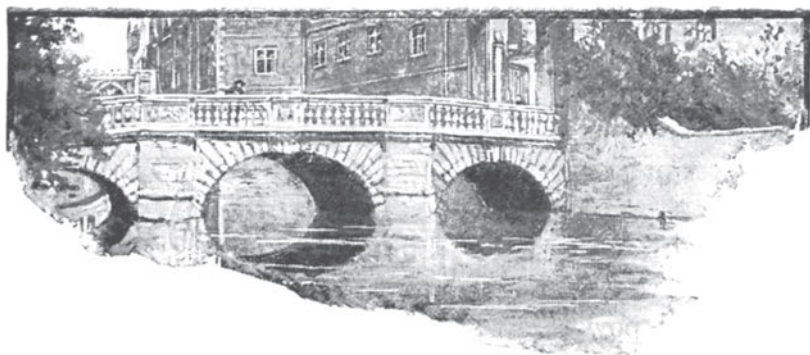
Я не спешил открывать дверь, ибо было уже около двенадцати часов ночи, и я не чувствовал никакого желания разговаривать с каким-либо незнакомцем. В колледже, да и во всем мире, у меня был лишь один друг — возможно, это он?

За дверью кашлянули, я сразу же узнал этот кашель и отпер замок.

В комнату торопливо вошел человек лет тридцати, с очень красивым, хотя и довольно изможденным лицом. В правой руке он с трудом тащил массивный железный сундучок. Взгромоздив сундучок на стол, он сильно закашлялся. Кашлял долго-долго, пока весь не побагровел. Не в силах стоять, он повалился в кресло и начал харкать кровью. Я плеснул в бокал немного виски и протянул ему. Он выпил, и ему как будто бы полегчало, но не намного.

— Почему ты так долго меня не впускал? — проворчал он. — Эти сквозняки для меня просто смерть!

— Я не знал, что это ты, — объяснил я. — Время-то уже позднее.

— Я думаю, это мое последнее посещение, — ответил он с жуткой гримасой, долженствующей изображать улыбку. — Плохи мои дела, Холли. Очень плохи. Вряд ли я дотяну до завтрашнего утра.

— Глупости! — сказал я. — Сейчас я сбегаю за доктором.

Повелительным взмахом руки он отклонил мое предложение:

— Я рассуждаю вполне здраво, не надо никаких докторов. Я ведь изучал медицину и знаю о своей болезни все, что следует знать. Ни один доктор не может уже помочь мне. Настал мой последний час! Целый год я живу только чудом... А теперь послушай меня, и как можно внимательнее, потому что у меня не будет возможности повторить то, что я тебе скажу. Мы дружим уже два года — и что ты обо мне знаешь?

— Я знаю, что ты богат и по какой-то своей причуде поступил в наш колледж в том возрасте, когда почти все другие его заканчивают. Я знаю, что ты был женат, но твоя жена умерла при родах и что ты мой лучший, можно сказать, единственный друг.

— А знаешь ли ты, что у меня есть сын?

— Нет.

— У меня есть пятилетний мальчик. Он достался мне слишком дорогой ценой, ценой жизни его матери, поэтому я даже не хотел его видеть. Холли! С твоего, разумеется, согласия, я хочу назначить тебя опекуном моего сына.

Я едва не выпрыгнул из кресла:

— Меня?

— Да. Я хорошо изучил тебя за эти два года. С тех пор как я понял, что обречен, я неустанно ищу человека, которому мог бы доверять и мальчика, и вот это... — Он постучал по сундучку. — Никого более подходящего, чем ты, Холли, мне не найти; ты похож на дерево с грубой, шершавой корой, но прочной и здоровой

сердцевиной... Послушай, мой мальчик — единственный потомок одного из самых древних, насколько позволяет проследить генеалогия, родов мира. Рискаю вызвать у тебя на губах недоверчивую улыбку, я все же скажу, что моим шестьдесят пятым или шестьдесят шестым предком был египетский жрец Исида — Калликрат¹. Его отец — один из наемных греческих воинов Хак-Хора, мендесийского фараона двадцать девятой династии, а его дед, по-видимому, тот самый Калликрат, которого упоминает Геродот². Примерно в триста тридцать девятом году до Рождества Христова, когда пал последний фараон, этот Калликрат (жрец), нарушив обет безбрачия, бежал из Египта с влюбившейся в него принцессой Аменартой; их корабль потерпел крушение у берегов Африки, недалеко от залива Делагоа, точнее, севернее его. Весь экипаж погиб, спаслись только он сам и его жена. Им пришлось претерпеть тяжкие испытания, но в конце концов они нашли приют у могущественной царицы дикого народа, белой женщины необыкновенной красоты; при обстоятельствах, в которые я не хотел бы вдаваться, ибо ты узнаешь их, вскрыв сундучок, эта царица убила нашего предка Калликрата. Его жене, однако, каким-то образом удалось бежать. В конце концов она добралась до Афин и там родила сына, названного ею Тисисфеном, то бишь Мстителем. Через пять с лишним веков ее потомки переехали в Рим. Об этом переезде не сохранилось никаких сведений. Возможно, они все еще не отказались от мысли о мести, воплощенной в самом имени Тисисфен. К тому времени они, правда, изменили фамилию на Виндекс, с тем же значением — Мститель. В Риме они также прожили около пяти веков. Когда в семьсот семьдесят четвертом году Шарлемань вторгся в Ломбардию, где они тогда обосновались, глава

¹ Сильный и красивый или, более точно, прекрасный. — Л. Х. Х.

² *Калликрат*, на которого ссылается мой друг, был спартанцем. Геродот (История. Книга девятая, 72) отмечает его необыкновенную красоту. Он пал в знаменитой битве при Платеях (22 сентября 479 год до н. э.), когда лакедемоняне и афиняне, возглавляемые Павсанием, разгромили персов, истребив более трехсот тысяч человек. Привожу перевод этого отрывка: «Калликрат же, погибший в сей битве, почитался одним из красивейших греков того времени — не только среди самих лакедемонян, но и среди других греческих племен. Когда Павсаний приносил жертву, он был ранен в бок стрелой, но они продолжали сражаться, и, когда его, уже умирающего, понесли прочь, он сказал платейцу Аримнесту, что не страшится гибели за Грецию, но жалеет, что так и не совершил достойного себя подвига». Этого Калликрата, по-видимому, столь же отважного, сколь и прекрасного, по свидетельству Геродота, похоронили среди илотов. — Л. Х. Х.

рода примкнул к великому императору, перешел с ним через Альпы и поселился после ряда переездов в Бретани. Через восемь поколений очередной глава рода переехал в Англию, где тогда царствовал Эдуард Исповедник, и во времена Вильгельма Завоевателя сумел достичь высокого положения и власти. С тех пор и вплоть до нынешнего дня наша генеалогия прослеживается без каких бы то ни было перерывов. Нельзя сказать, чтобы фамилия Винси — так она была переделана в Англии — особенно славилась: наши английские предки никогда не достигали самых вершин. Кое-кто служил в войсках, кое-кто занимался торговлей, но они всегда сохраняли достаточный уровень респектабельности, хотя и оставались в строгих рамках посредственности. Со времен Карла Второго и по начало нынешнего столетия они подвизались на поприще торговли и промышленности. Мой дед-пивовар сколотил довольно приличное состояние и в тысяча семьсот девяностом году отошел от дел. В тысяча восемьсот двадцать первом он умер, оставив все свое состояние моему отцу, который промотал значительную его часть. Через десять лет скончался и он, завещав мне пожизненную ренту в две тысячи фунтов ежегодно. Тогда-то, изучив содержимое вот этого — он показал на железный сундучок, — я предпринял экспедицию, которая окончилась довольно плачевно. На обратном пути, путешествуя по югу Европы, я остановился в Афинах. Там я встретился со своей будущей женой, которая, как и наш древний предок Калликрат, вполне заслуживала эпитета «Прекрасная». Мы поженились, а через год во время родов она умерла.

Несколько мгновений он сидел молча, подпирая подбородок ладонью, потом продолжал:

— Женитьба помешала мне осуществить до конца свой замысел, а теперь уже слишком поздно. У меня не остается ни дня, Холли, ни дня. Если ты согласишься принять опекунство, ты узнаешь все, до подробностей. После смерти жены я начал готовиться к новой экспедиции. Начать, на мой взгляд, следовало с изучения восточных языков, прежде всего арабского. С этой целью я и поступил в колледж. В скором времени, однако, у меня развилась тяжелая болезнь, и вот я при смерти. — И, как бы в подтверждение своих слов, он разразился новым приступом кашля.

Я подлил ему виски, и, передохнув, он продолжил:

— Я никогда не видел своего сына Лео со времени его рождения. Это было свыше моих сил. Но говорят, что мальчик он смывленный и красивый. В этом конверте, — он достал адресованное

мне письмо, — хранится план его образования. План этот довольно необычный, и я не могу доверить его осуществление человеку незнакомому. Итак, снова: принимаешь ли ты мое предложение?

— Сперва я должен знать, в чем это предложение состоит, — ответил я.

— Ты должен будешь жить вместе с Лео, пока ему не минет двадцать пять. Запомни: я не хочу, чтобы он ходил в школу, как все прочие дети. В двадцать пятый год его рождения твое опекунство заканчивается; этими вот ключами, — он положил их на стол, — ты откроешь железный сундучок, пусть Лео хорошенько ознакомится со всем, что в нем хранится, и скажет, готов ли он отправиться на поиски. Ничто его, во всяком случае, к этому не обязывает. Теперь об условиях. Мой нынешний доход — две тысячи двести фунтов ежегодно. Половина этого дохода будет выплачиваться тебе пожизненно — если, конечно, ты примешь опекунство, — соответственно твое вознаграждение составит тысячу фунтов, ибо тебе придется посвятить своим обязанностям все силы и время. Сто фунтов пойдет на содержание мальчика. Всю остальную сумму ты будешь откладывать до достижения им двадцати пяти лет, так что, если он решит отправиться на поиски, у него будет вполне достаточно для этого.

— А если я умру? — спросил я.

— Тогда обязанности опекуна примет на себя Высокий суд, а там уж все зависит от самого мальчика. Не забудь только в своем завещании отписать ему сундучок. Не отказывайся, Холли. Поверь мне, ты не будешь внакладе. Ты ведь не рожден, чтобы вращаться в обществе, — это только ожесточит твое сердце. Через несколько недель ты станешь членом ученого совета, и твоего жалования вместе с денежной рентой, которую я тебе оставляю, вполне достаточно, чтобы по мере желания заниматься научной работой, посвящая свой досуг спорту, который ты так любишь.

Он смотрел на меня с глубоким беспокойством, но я все еще колебался, не решаясь взвалить на себя такое необычное бремя.

— Умоляю тебя, Холли. Мы были с тобой добрыми друзьями, и у меня уже не остается времени перепоручить мальчика кому-нибудь другому.

— Хорошо, я согласен, — сказал я. — При условии, конечно, что в этом письме не окажется ничего, что могло бы принудить меня переменить свое решение. — И я притронулся к конверту, который он положил на стол рядом с ключами.

— Спасибо тебе, Холли, спасибо. Там нет ничего подобного. Поклянись именем Бога, что заменишь мальчику отца и точно исполнишь все мои наставления.

— Клянусь! — торжественно провозгласил я.

— Замечательно. Помни только, что в один прекрасный день я спрошу с тебя за все отчет. Даже умерев, всеми забытый, я буду продолжать жить. Смерти нет, есть только переход, Холли, — в свое время ты в этом убедишься. И я верю, что даже этот переход можно отсрочить — при определенных, конечно, условиях.

Тут его схватил ужасающий приступ кашля.

— Все, — сказал он, — пора уходить. Сундучок у тебя. Завешание, в котором я назначаю тебя опекуном сына, — среди моих бумаг. Ты будешь щедро вознагражден, Холли. Я знаю, ты человек честный, но, если ты не оправдаешь моего доверия, клянусь Небом, я не прощу тебе этого! Берегись!

Я был слишком ошеломлен, чтобы хоть что-нибудь ответить. Он поднял свечу и посмотрел в зеркало. Болезнь неузнаваемо изменила его некогда прекрасное лицо.

— Добыча для червей, — произнес он. — Странно подумать, что через несколько часов я обращусь в холодное неподвижное тело, — путешествие подошло к концу, игра сыграна. Послушай, Холли, если и стоит жить, то только ради любви. В этом я убедился по опыту собственной жизни. Но мой сын Лео, если у него достанет смелости и веры, должен быть счастлив. Прощай, мой друг! — И с неожиданным приливом нежности он обнял меня одной рукой и поцеловал в лоб.

— Погоди, Винси, — сказал я, — если ты и в самом деле так плохо себя чувствуешь, я схожу за врачом.

— Нет-нет, — запротестовал он. — Обещай, что не сделаешь этого. Смерть уже пришла за мной, и я хотел бы умереть в одиночестве, как отравленная крыса.

— Ничего с тобой не случится, ты будешь жить, — сказал я.

Он улыбнулся, прошептал одними губами: «Помни же!» — и вышел.

Я сел и принялся протирать глаза, чтобы убедиться, что все это происходило наяву. Никаких сомнений не могло быть. Тогда я предположил, что Винси был пьян. Я знал, что он давно уже тяжело болен, но какой человек может предугадать день и час своей смерти с абсолютной точностью? Будь он при смерти, откуда взялись бы у него силы тащить тяжелый железный сундучок. Чем больше

я размышлял, тем неправдоподобнее казалась мне вся эта история, ибо я был тогда еще недостаточно умудрен, чтобы знать, какие удивительные, даже непостижимые для здравого рассудка чудеса случаются на белом свете. Но я уже получил убедительный урок. Правдоподобно ли, чтобы отец не видел своего пятилетнего сына с самого его младенчества? Нет. Правдоподобно ли, чтобы он мог точно определить день своей смерти? Нет. Правдоподобно ли, чтобы он мог проследить свою родословную более чем на три столетия до Рождества Христова? Правдоподобно ли, чтобы разумный вроде бы человек доверил опекунство над сыном приятелю по колледжу, да еще и завещал ему половину состояния? Нет, конечно! Ясно, Винси был пьян или не в своем уме. Что же это все означает тогда? И что хранится в запечатанном железном сундучке?

В полном смятении и замешательстве я решил лечь спать: утро вечера мудренее. Я убрал оставленные Винси ключи и письмо в портфель, а железный сундучок спрятал в большую дорожную сумку, после чего улегся и забылся крепким сном.

Мне показалось, будто я проспал всего несколько минут, когда меня разбудил чей-то голос. Я сел на кровати и огляделся. Было уже совсем светло — пробило восемь.

— В чем дело, Джон? — спросил я у слуги, который был у нас с Винси один на двоих. — У тебя такой вид, как будто бы ты только что видел призрака.

— Я и видел, сэр, — ответил он, — только не призрака, а мертвеца, а это еще хуже. Я заходил, как обычно, к мистеру Винси, чтобы разбудить его, а он лежит весь зачоченелый — помер, стало быть.

Глава II

ПО ПРОШЕСТВИИ МНОГИХ ЛЕТ

Разумеется, скоропостижная кончина мистера Винси сильно взбодорила колледж, но все знали, как тяжело он болел, и по предоставлении доктором соответствующей справки решили не проводить расследование. В те годы расследование не являлось обязательным, и его старались избегать, так как нередко оно приводило к скандальным разоблачениям. При таких обстоятельствах меня не допрашивали, а сам я никому не рассказывал о нашей последней встрече, упомянул только, что он заходил ко мне, как это часто

бывало. В день похорон из Лондона прибыл адвокат, он проводил моего бедного друга в последний путь и тут же уехал со всеми бумагами и документами. Разумеется, я ничего не сказал ему о железном сундучке, оставленном мне на хранение. В течение последующей недели не произошло ничего заслуживающего внимания. Я с головой ушел в подготовку к экзамену, поэтому даже не присутствовал на похоронах и не говорил с адвокатом. Наконец я сдал экзамен, вернулся домой и плюхнулся в кресло, довольный своим успехом, а это действительно был успех, и блистательный.

Вот тогда-то, освобождаясь наконец от заботы, которая много дней поглощала все мои мысли, я вспомнил о событиях ночи накануне смерти бедного Винси. Что же все это означает? — вновь спросил я себя. Услышу ли я еще об этом деле, а если нет, то как следует поступить с загадочным сундучком? Я сидел и размышлял, и чем больше я размышлял, тем тревожнее становилось на душе: таинственное ночное посещение, предчувствие неминуемой смерти, моя торжественная клятва, в случае нарушения которой Винси грозился призвать меня к ответу даже с того света, — все это требовало объяснения. Уж не совершил ли мой друг самоубийства? Похоже было, что так. И что это за поиски, о которых он говорил так невнятно? Во всем этом было что-то сверхъестественно странное, и, хотя я человек отнюдь не нервный и не склонен тревожиться по поводу событий или явлений, которые выходят за рамки реальности, в мое сердце закрадывался страх, я уже начинал жалеть, что впутался во всю эту историю. Это раскаяние преследует меня вот уже двадцать лет.

Неожиданно послышался стук в дверь, мне принесли большой голубой конверт. С первого же взгляда я понял, что это официальное послание от нотариуса, скорее всего относительно моего опекунства. Это письмо — я все еще продолжаю его хранить — гласило:

Сэр, наш клиент, покойный М. Л. Винси, эсквайр, скончавшийся 9-го числа сего месяца в Кембриджском колледже, оставил завещание (копия прилагается), в котором назначает нас исполнителями своей последней воли. Из завещания следует, что в случае Вашего согласия принять опекунство над Лео Винси, единственным сыном покойного мистера Винси, ребенком пяти лет от роду, Вам будет выплачиваться пожизненная рента с капитала, вложенного в консоли. Если бы мы сами лично, во исполнение точных и недвусмысленных распоряжений мистера Винси, как устных, так и письмен-

ных, не составили означенный документ и если бы он не заверил нас, что руководствуется чрезвычайно вескими соображениями, мы вынуждены были бы — столь необычны предусматриваемые в нем условия — ходатайствовать, чтобы Высокий суд, в целях защиты интересов ребенка, признал завещателя недееспособным. Будучи, однако, хорошо осведомлены, что завещатель являлся джентльменом глубокого ума и проницательности и что у него нет никаких родственников, которым он мог бы доверить опекунство, мы воздерживаемся от опротестования последней воли покойного.

Мы ждем Ваших распоряжений о ребенке и о выплате причитающейся Вам части ренты.

Искренне преданные Вам, сэр,

Джефффри и Джордан

Отложив письмо, я пробежал глазами завещание, которое, судя по его непонятности, было составлено с соблюдением строжайших юридических принципов. Насколько я мог уяснить, в нем повторялось все сказанное мне другом накануне смерти. Стало быть, все это верно. Отныне я опекун мальчика. Тут я вспомнил о письме, оставленном вместе с сундучком, принес и вскрыл его. В письме, как и следовало ожидать, говорилось, что я должен распечатать сундучок в тот день, когда Лео исполнится двадцать пять, и что его образование должно включать в себя изучение греческого и арабского языка и высшей математики. В постскриптуме указывалось, что в случае, если Лео умрет, не достигнув двадцати пяти лет, хотя такая возможность и маловероятна, я могу открыть сундучок сам и, ознакомившись с его содержанием, действовать по своему усмотрению. Если же я не захочу что-либо предпринять, я должен уничтожить сундучок со всем его содержимым. Ни при каких обстоятельствах я не должен передавать сундучок кому-нибудь другому.

Письмо не добавляло ничего существенно нового к тому, что я уже знал, и, конечно, никоим образом не препятствовало мне выполнить свое обещание покойному другу, поэтому оставалось лишь сообщить господам Джефффри и Джордану, что по истечении десяти дней я буду готов возложить на себя обязанности опекуна. Затем я обратился к начальству колледжа и рассказал им все, что счел целесообразным, а это было не так уж много; хотя и со значительным трудом, мне все же удалось убедить их, чтобы в случае, если я буду утвержден членом ученого совета, а в этом не было никаких сомнений, мне позволили жить вместе с ребенком. Их согласие, однако, было оговорено условием, что я освобожу квар-

тиру, занимаемую мною в колледже. После недолгих поисков мне удалось снять прекрасную квартиру рядом с воротами колледжа. Далее мне предстояло найти няню. По зрелому размышлению я пришел к выводу, что не могу допустить, чтобы воспитанием ребенка руководила какая-нибудь женщина, которая к тому же могла похитить у меня его привязанность. Мальчик уже в том возрасте, когда вполне может обойтись без женской помощи, поэтому я принялся искать подходящего слугу-мужчину. Мне удалось подыскать очень на вид благопристойного, круглолицего молодого парня; он работал в конюшне, предназначенной для охотничьих лошадей, но сказал, что вырос в семье из семнадцати душ, с детства привык к заботе о своих многочисленных братишках и сестричках и охотно возьмет на себя попечение о мастере Лео, когда тот придет. Я отвез сундучок в город и оставил на хранение своему банкиру. Затем купил несколько пособий по уходу за детьми и их воспитанию, проштудировал их сам и прочитал вслух Джобу — так звали молодого слугу. Оставалось только ждать.

Мальчика доставила пожилая особа, она горько плакала, расставаясь с ним. Малыш оказался прехорошеньким — никогда не видел более прелестного. У него были серые глаза, широкий лобик, четко, точно на камее, вырезанное лицо, отнюдь не худое или истощенное. Особенно хороши были короткие золотистые кудряшки. Когда няня наконец нашла в себе силы проститься и уйти, он немного похныкал, но скоро успокоился. Никогда не забуду этой сценки. Вот он стоит, очаровательный малыш, трет кулачком один глаз, а другим посматривает на нас с Джобом. В золотых завитках его волос играет солнечный свет, льющийся из окна. Я сижу в кресле и маню его рукой, а Джоб, стоя в углу, издает какое-то странное кудахтанье, которое, по его мнению, подкрепленному предыдущим опытом, должно успокаивать детей, внушать им доверие, одновременно он катает взад и вперед преуродливую деревянную лошадку; делает он это с таким остервенением, что возникает невольное сомнение, в своем ли он уме. Так продолжается несколько минут. Затем малыш вытягивает ручонки и бросается ко мне.

— Ты хороший дядя, — говорит он. — Страшный, но хороший.

Через десять минут он поедает уже большой бутерброд с маслом, со всеми признаками довольства на лице. Джоб хотел было намазать джем поверх масла, но я решительно воспротивился, напомнив о тех авторитетных наставлениях, которые я ему читал.

В скором времени (я только-только успел стать членом ученого совета) мальчик сделался любимцем всего колледжа, куда, не-

смотря на все запреты, прибегал по сто раз на дню, — есть такие баловни судьбы, ради которых смягчаются и самые строгие правила. На алтарь этого маленького божества возлагались бесчисленные приношения, и у меня возникла даже серьезная размолвка с одним старым членом ученого совета, давно уже покойным, который считался черствейшим человеком во всем университете и терпеть не мог детишек. Какое-то время нашего малыша потащивало. Джоб стал внимательно за ним приглядывать — и что же обнаружилось? Бессовестный старикан заманивал Лео к себе и скармливал ему несчетное множество конфет с ликером. «Как ему не стыдно! — возмущался Джоб. — А ведь он был бы уже дедом, если бы поступил как все люди». Эти слова означали, что ему следовало давно жениться, тогда бы он не приставал к чужим детям.

К сожалению, я не могу отвлекаться на описание тех чудесных лет, которые я все еще вспоминаю с глубокой нежностью. Время шло, и с каждым годом наша с Лео взаимная привязанность росла и росла. Мало кто так любит своих сыновей, как я — Лео, и мало кто из сыновей питает такую глубокую и прочную любовь, как Лео ко мне.

Мальчик превратился в подростка, подросток — в молодого человека, и все это время он становился красивее и красивее как телом, так и духом. В пятнадцать лет за ним укрепилось прозвище Прекрасный Принц, а за мной — Чудище. Каждый день, выходя на прогулку, мы слышали за спиной: «Прекрасный Принц» и «Чудище». Однажды, обиженный за меня, Лео набросился на здорового, вдвое больше его, мясника и задал ему хорошую взбучку. Я прошел мимо, сделав вид, будто ничего не заметил, но, видя, что драка затянулась, вернулся и стал подбадривать Лео громкими криками. Шуткам по этому поводу не было конца, и тут уж я ничего не мог поделать. Когда Лео стал постарше, студенты последнего курса придумали для нас новые прозвища. Меня они окрестили Хароном, а Лео стали называть Греческим Богом. Не буду распространяться о своем собственном прозвище, скромно замечу лишь, что я никогда не был красив и с годами моя внешность не изменилась к лучшему. Что до Лео, то он вполне заслуживал такого прозвища. В двадцать один год он мог служить натурой для статуи молодого Аполлона. Никогда не встречал никого более красивого и в то же время совершенно равнодушного к своей красоте. К тому же он очень умен, схватывает все на лету, хотя и лишен задатков истинного ученого. Не хватает целеустремленности, качества, может быть, и скучного, но необходимого. В его образова-

нии мы строго следовали отцовской воле, и общие результаты — особенно что касается греческого и арабского — можно считать удовлетворительными. Я и сам выучил арабский, чтобы оказывать ему помощь, но через пять лет он знал язык не хуже меня, почти так же основательно, как наш общий учитель-профессор. Я всегда увлекался спортом, это единственная моя страсть, и каждую осень мы отправлялись охотиться либо ловить рыбу в Шотландию, Норвегию, а как-то раз даже в Россию. Стрелок я меткий, но даже и в этом он превзошел меня.

Когда Лео минуло восемнадцать, я вернулся в прежнюю квартиру и определил Лео в свой колледж. В двадцать один он уже получил степень, не очень, может быть, высокую, но удовлетворительную. Тогда-то я и рассказал ему кое-что о его происхождении и о той тайне, которая маячила впереди. Само собой, он был очень заинтригован, и, само собой, я объяснил, что его любопытство не может быть пока удовлетворено. Я предложил, чтобы Лео подготовился к получению права на адвокатскую практику, надо же ему чем-то заняться в ожидании двадцатипятилетия, и он согласился. Учился он по-прежнему в Кембридже и только по вечерам уезжал иногда в Лондон, чтобы поужинать.

У меня была с ним лишь одна трудность: каждая или почти каждая молодая девушка, с ним знакомившаяся, непременно в него влюблялась. Отсюда плодились всякие осложнения; описывать их здесь нет нужды, но неприятностей они доставляли немало. В общем, однако, он вел себя как человек порядочный, большего я не могу сказать.

И вот наконец наступил двадцать пятый день его рождения, день, когда начинается эта странная и в некоторых отношениях ужасная история.

Глава III

ЧЕРЕПОК ВАЗЫ

Накануне дня рождения мы с Лео съездили в Лондон и получили там в банке таинственный сундучок, оставленный на хранение еще двадцать лет назад. Его принес тот же самый клерк, что и принял. Он хорошо помнил, куда убрал сундучок; в противном случае, по его собственному признанию, найти сундучок было бы очень трудно, потому что его сплошь затянуло паутиной.

Вечером мы возвращались с нашей драгоценной ношей в Кембридж; в ту ночь мы спали так мало, если вообще спали, что могли бы пожертвовать сном, не став от этого ничуть беднее. Рано утром, еще в сумерках, Лео явился ко мне, в халате, с предложением немедленно приступить к делу. Я ответил, что нам не пристало пороть горячку: ждали двадцать лет, подождем и до завтрака. Ровно в девять — с необычайной точностью — мы уселись завтракать; я был так поглощен своими мыслями, что вместо сахара положил в чай Лео кусок бекона. Мое возбуждение, естественно, передалось и Джобу: он умудрился отломать ручку у дорогой севрской чашки, точно такой же, по моим предположениям, как та, из которой Марат пил чай в ванне, когда его убили.

Наконец Джоб убрал посуду и по моей просьбе принес сундучок, водрузив его на стол с такой опаской, как будто он был начинен взрывчаткой. Он уже собирался уйти, но я остановил его:

— Погоди, Джоб. Если мистер Лео не возражает, я предпочел бы, чтобы при вскрытии сундучка присутствовал беспристрастный свидетель, способный держать язык за зубами.

— Хорошо, дядя Хорейс, — сказал Лео (я приучил его называть меня «дядей», хотя иногда он и прибегал к довольно непочтительному обращению «старина» или «дядюшка»).

Джоб притронулся к голове таким жестом, как если бы притрагивался к шляпе.

— Запри дверь, Джоб, — распорядился я, — и принеси мне портфель.

Джоб принес портфель, и я достал из него ключи, которые бедный Винси, отец Лео, вручил мне накануне смерти. Ключей было три: самый большой — почти современного вида; второй —

поменьше, явно старинный; что же касается третьего, то никто из нас не видел ничего подобного: это была полоска из чистого серебра с несколькими прорезами и поперечиной вместо ручки. Походил он разве что на какой-то допотопный железнодорожный ключ.

— Вы оба готовы? — спросил я, как сапер перед взрывом мины. Не дожидаясь ответа, я взял большой ключ, смазал его салатным маслом и после нескольких неудачных — из-за дрожи в руках — попыток изловчился вставить в замок и повернуть.

Лео нагнулся, схватил обеими руками массивную крышку и поднял ее, преодолевая сопротивление ржавых петель. Внутри оказался большой ларец, весь запорошенный пылью. Мы легко извлекли его и счистили скопившуюся грязь одежной щеткой.

Ларец был то ли из черного дерева, то ли из какой-то другой прочной древесины и окован железными лентами. Судя по тому, что тяжелое плотное дерево местами стало уже превращаться в труху, изготовили его еще в глубокой древности.

— Ну что ж, попробуем его открыть, — сказал я, вставляя в скважину второй ключ.

Джоб и Лео нагнулись, затаив дыхание. Когда я повернул ключ и откинул крышку, мы вскрикнули разом все трое, и неудивительно: в эбеновом ларце хранилась великолепная серебряная корзинка, дюймов двенадцати в ширину и длину и восьми в высоту, по всей вероятности, древнеегипетской работы, ибо черные ее ножки были сделаны в форме сфинкса и на выпуклой крышке тоже возлежал сфинкс. Корзинка прекрасно сохранилась, хотя, естественно, и потускнела от времени.

Я выложил ее на стол, затем при всеобщем глубоком молчании вставил серебряный ключ и стал поворачивать то в одну, то в другую сторону, пока замок наконец не поддался. Корзинка оказалась заполненной по самые края полуистлевшей коричневой массой, похожей скорее на волокно, чем на бумагу, я так никогда и не смог выяснить ее состав. Выбрав коричневую массу дюйма на три, я увидел письмо в обычном современном конверте с надписью, сделанной рукой моего покойного друга Винси: «Моему сыну Лео, если он жив к этому времени». Я отдал письмо Лео, он скользнул по нему беглым взглядом и, положив на стол, сделал знак, чтобы я продолжал исследовать содержимое корзинки.

Чуть ниже я обнаружил аккуратно скатанный пергамент. Развернув его, я увидел текст, тоже написанный рукой Винси и озаглавленный: «Перевод унциальной греческой надписи на череп-

ке вазы». Я положил свиток рядом с письмом. Ниже оказался еще один пергаментный свиток, пожелтевший и сморщившийся от древности. И это был перевод с греческого, выведенный, однако, готическим английским шрифтом, по стилю и написанию я датировал текст началом шестнадцатого столетия. Сразу же под свитком на очередном слое волокнистой массы покоилось что-то твердое и тяжелое, завернутое в желтоватое льняное полотно. Медленно и осторожно размотав обертку, мы увидели очень большой и, несомненно, древний черепок грязно-желтого цвета. Насколько я могу судить, это был обломок обычной, средних размеров амфоры. Черепок был в десять с половиной дюймов длины, семь дюймов в ширину и в четверть дюйма толщиной; выпуклую его сторону, обращенную ко дну корзинки, густо испещряли позднегреческие письмена, кое-где уже поблекшие, но по большей своей

части вполне отчетливые, выведенные с величайшей аккуратностью тростниковым пером, которым часто пользовались в древности. Следует добавить, что некогда этот удивительный обломок был расколот надвое и соединен каким-то цементирующим составом и восемью длинными скрепками. На вогнутой стороне также имелись многочисленные надписи, разбросанные в хаотическом беспорядке и, очевидно, сделанные разными почерками в разные века; обо всех этих надписях, в том числе и о тех, что на пергаментах, мне придется еще поговорить.

— Нет ли там еще чего-нибудь? — взволнованно прошептал Лео.

Я порылся на дне и нашел маленький полотняный мешочек с чем-то твердым. Мы извлекли оттуда чудесную миниатюрку, выполненную по слоновой кости, и небольшого шоколадного цвета скарабея с загадочными знаками.

Эти символы, как мы впоследствии узнали, означают «Сутен се Ра», что переводится как «Царственный сын Ра, или Солнца». Миниатюрка изображала прелестную темноглазую женщину — гречанку, мать Лео. На обратной стороне рукой бедного Винси было выведено: «Моя любимая жена».

— Это все, — сказал я.

— Ну что ж, хорошо, — ответил Лео и, посмотрев долгим нежным взглядом на портрет своей матери, положил его на стол. — А теперь прочитаем письмо. — И, недолго думая, он сломал печатать и принялся читать вслух:

Мой сын Лео!

Когда ты вскроешь письмо — я уверен, что ты непременно доживешь до этого времени, — ты будешь уже совсем взрослым. Почти все, кто меня знал, забудут даже мое имя. Но ты должен помнить обо мне, помнить, что я был и, возможно, еще есть; это письмо — связующее звено между нами; я протягиваю тебе руку через разделяющую нас пропасть смерти, взываю к тебе из несказанного безмолвия могилы. Да, я мертв, в твоей памяти не сохранилось обо мне никаких воспоминаний, но в эту минуту, когда ты читаешь письмо, я с тобой. Я не видел тебя с самого твоего рождения.

Прости меня. Твое появление на свет стоило жизни той, кого я любил сильнее, чем обычно любят женщин, — и я все еще ощущаю горечь этой утраты. Если бы я остался жить, я бы, конечно, сумел справиться с собой, но я должен умереть. Мои физические и духовные страдания нестерпимы, и, как только я сделаю то небольшое, что необходимо для обеспечения твоего будущего, я намерен положить им конец. Да простит мне Господь этот смертный грех! Все равно мне не протянуть и года.

— Значит, он покончил с собой! — воскликнул я. — Так я и подозревал.

— Но хватит о себе, — продолжал читать Лео. — То, что следует сказать, принадлежит вам, живущим, а не мне, давно мертвому и всеми забытому, как будто меня никогда и не существовало. Мой друг Холли (если на то будет его согласие, он станет твоим опекуном), вероятно, уже рассказал тебе о необыкновенной древности нашего рода. В корзинке ты найдешь веские тому доказательства. Осколок вазы со странной легендой, изложенной твоей дальней прародительницей, был передан мне отцом, эта легенда всецело завладела моим воображением. Девятнадцати лет от роду, на свою беду, я, как один из наших предков елизаветинских времен, решил проверить ее достоверность. Не хочу здесь описывать все происшедшее со мной. Но вот что я видел своими глазами. На берегу Африки, в еще не исследованных местах, севернее устья Замбези, есть мыс, на самой оконечности которого высится скала с вершиной, похожей по форме на голову негра, о ней-то, видимо, и говорится в надписи на черепке. Высадясь на берег, я узнал от бродячего туземца, за какое-то преступление изгнанного из своего племени, что в глубине материка находятся окруженные бесчисленными болотами громадные чашеобразные горы и пещеры. Тамошний народ говорит на диалекте арабского языка, и правит им прекрасная белая женщина, которая редко снисходит до появления перед своими подданными и, по слухам, обладает властью не только над живыми, но и над мертвыми. Через два дня туземец умер от лихорадки, схваченной им в болотах; недостаток провианта и первые симптомы болезни, которая так сильно прогрессировала впоследствии, вынудили меня вернуться на нашу дау¹.

¹ *Дау* — небольшое двух-трехмачтовое каботажное судно. — Здесь и далее, если особо не оговорено, примеч. перев.

СОДЕРЖАНИЕ

АЙША. История приключения <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	5
ВОЗВРАЩЕНИЕ АЙШИ Продолжение истории Айши, Той, чье слово закон <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	269
ДОЧЬ МУДРОСТИ История жизни и любви Той, чье слово закон <i>Перевод А. Крышана</i>	593

Литературно-художественное издание

ГЕНРИ РАЙДЕР ХАГГАРД
АЙША
ВОЗВРАЩЕНИЕ АЙШИ
ДОЧЬ МУДРОСТИ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Ирина Беличева
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ольги Антиповой
Корректоры Ирина Киселева, Елена Шнитникова, Елена Терскова,
Валерий Камендо

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 19.07.2018. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 55. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-MPR-19856-01-R